

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК: 821.172-1Балтрушайтис.09

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-34-43>

Оригинальная научная статья

Балтийский субстрат в творчестве Ю. К. Балтрушайтиса

Н. И. Симак

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,

г. Калуга, Российская Федерация

✉ p0plaw0k@yandex.ru

Аннотация

В статье описывается работа по обнаружению типологических сходжений на тематическом, образном, мотивном и идейном уровнях текста между традиционными для народного прибалтийского стихосложения дайнами и стихотворениями Ю. К. Балтрушайтиса из сборника «Земные ступени» с одинаковым стихотворным размером. Целью статьи является обнаружение семантического ореола между рассматриваемыми группами произведений, детерминированного биографией автора. В качестве метода в рамках исследования был избран структурализм, основанный на утверждениях о том, что литературное произведение представляет собой несколько уровней строения, на каждом уровне действуют свои автономные законы, а некоторые более общие законы действуют на всех уровнях и связывают их воедино. В результате исследования семантический ореол на всех вышеперечисленных уровнях был обнаружен. В перспективе возможны подобные же исследования по обнаружению семантических ореолов, пришедших из разных стихотворных традиций, а также по обнаружению соотношения между биографией и творчеством на уровне стихотворного размера.

Ключевые слова: Юргис Казимирович Балтрушайтис, семантический ореол, балтийские дайны, четырехстопный хорей, стихотворный размер, образ, мотив, тема, идея

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Симак Н. И. Балтийский субстрат в творчестве Ю. К. Балтрушайтиса. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature.* 2025, №3 (19). С. 34–43. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-34-43>

Original article

The Baltic substrate in the works by Jurgis Baltrušaitis

Nazarij I. Simak

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation

✉ p0plaw0k@yandex.ru

Abstract

The article describes the detection of typological similarities at the thematic, figurative, motivic and ideological levels of the text between the daines, traditional for the Baltic folk versification, and the poems by Jurgis Baltrušaitis from the collection “Earthly Steps” with the same poetic size. The purpose of the article is to detect a semantic halo between the groups of works under consideration, determined by the author's biography. Structuralism was chosen

© Симак Н. И., 2025

as the method of the study, based on the claims that a literary work consists of several levels of structure, each level has its own autonomous laws, and some more general laws apply at all levels and link them together. As a result of the study, a semantic halo was found at all of the above levels. In the future, similar studies are possible to detect semantic halos that come from different poetic traditions, as well as to discover the relationship between biography and creativity at the level of metre.

Keywords: Jurgis Kazimirovich Baltrušaitis, semantic halo, Baltic dainas, four-stop chorus, metre, image, motif, theme, idea

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Simak N. I. The Baltic substrate in the works by Jurgis Baltrušaitis. *Issues of national literature*. 2025, No. 3 (19), Pp. 34–43. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-3-34-43>

Введение

Юргис Казимирович Балтрушайтис, поэт-символист серебряного века, активно писал стихотворения на русском языке в начале своей творческой карьеры, первые два его сборника стихотворений были на русском. Сам поэт родился в литовской деревне Паантвардис и вплоть до 1893 г. проживал на родине в среде, благоприятной для влияния устного народного творчества.

Ценными для нашего исследования будут считаться схождения размеров стихотворений Балтрушайтиса как с литовскими, так и с латышскими народными размерами. Такое обобщение уместно за счет родства латышского и литовского языков и общего для народов-носителей культурного пространства, регулярности культурного обмена между ними.

По М. Л. Гаспарову, «основной народный латышский размер звучит как 4 (3) + 4 (3)-сложный стих с хореическим ритмом» [1, с. 15] и женской или мужской клаузулой, где четыре слога могут чередоваться с тремя слогами в полустишиях, так как «в ходе развития латышского языка в некоторых формах слов последние краткие слоги отпали» [1, с. 15]. В литовском народном стихосложении «основным размером тоже может считаться 8-сложник, тоже из двух 4-сложных полустиший и тоже с зевгмой перед последним словом каждого» [1, с. 16]. В нем обычно встречается женская клаузула («в среднем три четверти стихов и полустиший имеют женское окончание» [1, с. 16]). Второстепенные литовские размеры: 7-, 6-, 5-сложники, которые точно так же имеют преимущественно женское окончание, точно так же не имеют никакой упорядоченности долгот и ударений, но в отличие от 8-сложника свободны от цезуры» [1, с. 17].

Сравнение исконно силлабических размеров балтийского народного стиха и силлабо-тонических, используемых Ю. Балтрушайтисом, уместно и релевантно, так как постепенно балтийская силлабика тяготеет к добавлению тоники: «в ходе развития латышского языка ударение в нем из разноместного стало фиксированным на начальном слоге слова; от этого в полустишиях развивается ритм силлабо-тонического хорая» [1, с. 15], причем настолько устойчиво, что сочетание в рамках одного полустишия с числом слогов 1 + 3, «подпадая под влияние хореического ритма, искусственно сдвигает ударение 3-сложного слова с начального слога на средний» [1, с. 15]; а «в литовском языке между долготой и ударностью звука существует связь» [1, с. 16], отчего «в стихе естественно возникает тенденция к хореическому ритму (благодаря полустишиям в 2 + 2 слога)» [1, с. 16–17].

Итак, если конвертировать исконные силлабические балтийские размеры в силлабо-тонику, то можно говорить о четырехстопном ямбе с мужской или женской клаузулами (также нет оснований пренебрегать вариантами, где данные клаузулы чередуются). В «Земных ступенях» обнаруживается двадцать девять стихотворений, соответствующих такому размеру: 3-я «Утренняя песня», «Пасхальный звон», «В лесу», «Аккорды», «Полдень», «Ветер», «Раздумие», «Ave, stella Maris», «Noli tangere circulos meos», «Сердце», «Песня», «Раздумие», «Ступени», «Детские стихи», «Ave, crux!», «Жница», «На отмели», 2-я «Вечерняя песня», 3-я «Вечерняя песня», «Дорога», «Сизиф», «Видение», «В парке», «Бедная сказка», «Ткач», «Мир свободы», «Элегия», «Зодчий», «Nocturne». Соотношение таких стихотворений к общей массе текстов сборника – 29/93 (то есть с погрешностью – 1/3).

Все перечисленные произведения соотносятся с исконными балтийскими 8-сложниками, кроме «Бедной сказки», соответствующей 6-сложнику. В данном стихотворении один стих Ю. Балтрушайтиса содержит два таких исконных 6-сложника, разделенных цезурой.

При анализе стихотворений мы будем исходить из понятий структурализма, основанных на утверждениях о том, что «литературное произведение представляет собой несколько уровней строения (начиная от фоники и метрики и кончая образным и идейным строем), на каждом уровне действуют свои автономные законы, а некоторые более общие законы действуют на всех уровнях и связывают их воедино» [2, с. 11], но этих общих законов недостаточно для того, чтобы утверждать детерминированность стихотворного размера идейно-тематическим уровнем текста. И хотя «структурализм не отрицает органической связи между элементами произведения, он лишь ограничивает круг ее действия» [2, с. 12], в вопросе соотношения смысла и размера структурализмом избирается исторический подход, утверждающий историко-культурную преемственность элементов содержательного уровня произведения в диахронии в рамках одного и того же размера, так называемую «память размера». Совокупность элементов содержательного уровня текста, присущих тому или иному размеру, в нашем исследовании будет называться семантическим ореолом размера.

Объектом исследования является первый сборник стихотворений Ю. Балтрушайтиса «Земные ступени». Предмет исследования – поэтика данного сборника.

Типологические схождения дайнов и поэтики Ю. К. Балтрушайтиса

Стихотворения будут классифицированы по темам и сопоставлены с тематически схожими дайнами. Под темой будет пониматься совокупность органически по смыслу связанных элементов идейно-образного уровня текста (по большей части образов и мотивов, так как эмоциональная окраска и идея более «гибки» и способны накладываться на тематически абсолютно разнообразные образы и мотивы).

Классификация на темы данных стихотворений является очень подвижной и условной, так как в одном произведении могут содержаться элементы, характерные для разных тем. Например, «Аккорды» можно было бы отнести к стихотворениям темы природы, но главенствующими в нем являются все-таки символы, дополняющие идею о духовной трансгрессии лирического субъекта (парадигмы образов «жизнь – неволя», «мысль – воля» и т. д.), а образы природы присутствуют как вспомогательные, как материал, дополняющий эту идею, привлекая ассоциации, характерные для темы природы. Но факт в том, что образы природы в стихотворении все же присутствуют, что затрудняет его классификацию. В итоге стихотворение вынужденно относится в очень узкую и конкретную тему стремления к трансцендентному из-за сильного перевеса именно присущих этой теме элементов. Вместе с тем в стихотворении «Полдень» наблюдается подобная

же ситуация: образы природы дополняют идею о трансцендентности. Но в отличие от «Аккордов» образы природы присутствуют в тексте от начала до конца, их можно отнести к вариантам инварианта «природа», который можно вписать в идею произведения: «человеку необходимо примириться с природой». Так что данное стихотворение помещается в тему природы, хотя часть содержательного уровня текста определённо содержится в другой теме (например, в той же теме стремления к трансцендентному). Иногда темы настолько равнозначны, что благоразумнее всего отнести стихотворение во множество групп. Так, например, в стихотворении «Раздумье» проводится параллель между жатвой и жизнью, что затрудняет выделение главенствующей темы; и произведение классифицируется в обе группы: тему жизни и тему земледелия.

При таких затруднениях в классификации разделение стихотворений по наиболее общим темам все же необходимо для удобного их сопоставления с разделёнными по своим тематическим группам дайнами.

Тематически выделенные нами стихотворения можно классифицировать на следующие группы: тема Пасхи («Пасхальный звон»); тема природы (3-я «Утренняя песня», «В лесу», «Полдень», «Ветер»); тема мироустройства («Песня», «Ступени»); тема судьбы-рока («Раздумье», «Раздумье», «Дорога», «Ткач»; тема земледелия («Раздумье», «Раздумье», «Жница»); тема труда – («Жница», «Сизиф», «Ткач», «Nocturne»); тема стремления к трансцендентному («Аккорды», «Noli tangere circulos meos», «Сердце», «Ступени», «Ave, crux!», «На отмели», 2-я «Вечерняя песня», 3-я «Вечерняя песня», «Дорога», «Сизиф», «Мир свободы», «Зодчий», «Nocturne», «Элегия»); тема моря («Ave, stella Maris», «На отмели»); тема детства («Детские страхи»); тема ночи («Детские страхи», 2-я «Вечерняя песня», 3-я «Вечерняя песня», «Бедная сказка», «Элегия»); тема любви («Жница», «В парке», «Бедная сказка»); тема светопредставления («Видение»).

Сопоставление с дайнами будет производиться на базе сборника К. Барона [3]. Дайны в нем пронумерованы, и при ссылке на них будет приводиться номер.

Центральной темой сборника является тема стремления к трансцендентному. Ее при желании можно найти в каждом стихотворении. В нашем случае в нее отнесены произведения, где данная тема проглядывается наиболее явно и независимо, то есть без дополнений в виде других тем. В тему стремления к трансцендентному входят необходимые, составляющие ее «подтемы», например, темы неволи, одиночества и т. д. Некоторые такие подтемы могут быть основными темами некоторых дайн, что также необходимо учитывать. Так произошло с подтемой одиночества, которую можно выделить как основную в целой череде дайн о сиротах [3, с. 30-34]. Тему одиночества можно выделить в стихотворениях «Сердце», «Ступени», «Ave, crux!», «На отмели», «Элегия». В «Ступенях», «Ave, crux!» одиночеству дается скорее позитивная коннотация: в своем одиноком стремлении художник приобретает героический характер. Мы не сочли нужным выделять тему одиночества в стихотворениях, где лирический субъект противопоставлен художественному миру (например, 2-я и 3-я «Вечерние песни», «Сизиф» и т. д.), т. к. в данных случаях одиночеству не уделяется особого внимания; здесь стоит отметить, скорее, не подтему одиночества, а подтему личности, одиозности героя. Так или иначе эта «одиозность» присутствует в каждом произведении данной темы.

Между дайнами и стихотворениями Ю. Балтрушайтиса наблюдаются типологические сходства и на образном уровне. Образы берега (отмели) и моря, являющиеся центральными в «На отмели», встречаются в дайнах о сиротах (3966 [3, с. 30], 4304 [3, с. 32]). Повсеместны также в дайнах о сиротах, связанных с образами моря и берега, образы воды, волны, водоемов и т. д. (4255 [3, с. 32],

4153 [3, с. 32], 4730 [3, с. 33], 5130 [3, с. 34]). Обнаруживается дайна (3966 [3, с. 30]) с ситуацией, тождественной ситуации «На отмели»: «одинокий человек сидит на берегу, плачет и смотрит в морскую даль», образ берега здесь сходится с образами слез рассвета в обоих произведениях.

Существует большое количество дайн, посвященных теме Пасхи, т. е. тематически соотносящиеся с «Пасхальным звоном» Ю. Балтрушайтиса, но в «Пасхальном звоне» главный образ – колокол (церковь, колокольный звон), в дайнах – качели.

Тема судьбы-рока предполагает обращение к будущему времени с позиции предугадывания (оба «Раздумья», «Ткач») или неведения («Дорога»), причем предугаданное носит детерминированный характер, отчужденный от воли лирического субъекта. Также необходимыми для данной темы являются символы, подтверждающие беспомощность перед роком, подневольность человека (например, образы гор и колеи в «Дороге») или мотив неведения, сопряженный с мотивом узнавания (как в последней строфе «Ткача»). У Ю. Балтрушайтиса тема судьбы-рока тесно связана с темой земледелия и, соответственно, с темой цикличности времени.

Мотив предугадывания в дайнах отражается через мотив предзнаменования и сопряженные с ним образы (например, образ соловья – 27924 [3, с. 176], 28033 [3, с. 176]; 28380 [3, с. 177]). Мотив предзнаменования в дайнах всегда предполагает обращение к будущему времени с позиции предугадывания или уверенности. Но встречается предугадывание и вне мотива предзнаменования: 28496 [3, с. 178], 28616 [3, с. 179].

Также данная тема предполагает обычно невысказанный (скрытый, открывающийся при анализе) образ чужой большей воли, тесно связанный с мотивом предугадывания, т. к. предугадываемое совершается не волей лирического субъекта, а волей «высших сил». Образ чужой воли также неразрывно связан с мотивом каузации. Будущее событие обычно детерминировано климатическими явлениями (например, первое «Раздумье») или Богом (например, второе «Раздумье»). В качестве вариантов инвариантного образа чужой воли в первом «Раздумье» выступают, например, образы утра и вечера, во втором – образ Бога, хотя здесь данные образы отождествляются. В некоторых дайнах на тему земледелия наблюдается скрытый образ чужой воли. Он иногда выражен образами климатических явлений, небесными и земными образами: солнце – 28065 [3, с. 176], лето – 28645 [3, с. 179], пыль – 28798 [3, с. 179], весна и осень – 28829 [3, с. 179] и т. д. Иногда он выражен через образ Бога: 28136 [3, с. 177], 28732 [3, с. 179] (здесь с мотивом неведения).

Наибольшее расхождение с стихотворениями в вопросе образа чужой воли возникают, когда в дайнах он выражен через образ человека (пахаря, братца, сестрицы и т. д.): 28165 [3, с. 177], 28230 [3, с. 177], 28603 [3, с. 179], 28834 [3, с. 179] и т. д. Показательна дайна, где прямо провозглашается незначительность, ничтожность индивидуальной воли перед волей большей, чужой (в данном случае коллективной) – 28417 [3, с. 178].

Отличие стихотворений и дайн на тему судьбы-рока заключается в отсутствии в дайнах парадигмы образов «человек (человеческая воля) – результат посева (сев)». Также существуют дайны прямо противоречащие представлению о превосходстве большей воли над малой: 28512 [3, с. 178], 28560 [3, с. 178], 28758 [3, с. 179], 28754 [3, с. 179].

Существуют дайны на тему судьбы-рока с мотивом ткачества: 28279 [3, с. 177], что соотносится с «Ткачом», где данный мотив является основополагающим.

Обнаруживаются дайны вне темы земледелия, поднимающие тему судьбы-рока (например, дайны 3 [3, с. 12], 1174 [3, с. 18] и т. д.). Часто такие песни имеют социальный подтекст и поднимают тему неравенства, в них чаще возникает самостоятельный, без параллели с природой, образ Бога (31655 [3, с. 207], 31460 [3, с. 206]). В таких дайнах обнаруживается новая параллель: парадигма образов

дополняется новым отождествлением: к сравнению Бога и природных сил (климатических явлений) добавляется сравнение их со старшими членами семьи (31655 [3, с. 207]). Все члены данной парадигмы являются вариантами большей воли. Бог может отождествляться с родителями с функциональной точки зрения: и Бог и родители являются создателями субъекта малой воли. Посредством метонимического переноса вариантом климатических явлений становится солнце (31659 [3, с. 207]). Здесь отождествление имеет мифологические корни, которые более явно видны в сиротских и детских песнях, но также являются изоморфными для всех дайн вообще, т. к. содержатся в народном представлении и отражают его через народное творчество: «у сирот самые сильные покровители – Лайма и Мара. Часто мать сиротам заменяет сама Сауле (Солнце, в латыш. яз. – ж. р.), которая греет, жалеет, побуждает трудиться. Солнце и мать вообще в детских песнях параллельно действующие образы. Зачастую они употребляются с одними и теми же эпитетами – милая, белая» [3, с. 240].

Часто тема судьбы-рока поднимается в дайнах, посвященных смерти [3, с. 169-175]. Здесь субъект большей воли чаще остается не названным или его место занимает Бог или мифологическое существо (мать-хозяйка земли – 27340 [3, с. 170], мать-хозяйка чумы 27414 [3, с. 170], Мара – 27436 [3, с. 171] и т. д.).

Тема труда иногда содержит в себе подтему неравенства (например, в «Жнице»). Данной теме посвящено множество дайн [3, с. 198-209]. Важной составляющей темы труда также является тема скрытой победы угнетаемого, когда он, оставаясь в позиции угнетаемого, приобретает или изначально имеет нечто более ценное, чем позиция угнетающего. У Ю. Балтрушайтиса данная тема реализуется в двух последних строфах «Жницы». Данная тема встречается также и в дайнах: 31052 [3, с. 198], 31098 [3, с. 199].

В дайнах также представлена похожая на вышеописанную тема желаемой победы угнетаемого, заключающаяся в реализации ресентиментарного импульса в песне, выполняющей в данном случае роль своеобразного заговора, в виде простого оскорбления или моделирования гипотетической ситуации подмены социальных ролей: 31058 [3, с. 199], 31072 [3, с. 199]. Такие песни также тесно связаны с темой судьбы-рока, т. к. тема желаемой победы угнетаемого предполагает в некоторых случаях сопряженную с подменой социальных ролей подмену большей воли помещика на меньшую волю батрака и наоборот (31471 [3, 206]). Часто в таких случаях большая воля отводится именно коллективу батраков.

Характерен как для дайн темы неравенства, так и для «Жницы» слом установившегося в начале произведения порядка вещей. Данный мотив реализуется и за пределами тем скрытой и желаемой победы угнетаемого: 31099 [3, с. 199].

Антагонизм хозяина и подчиненного представлен из всех стихотворений Ю. Балтрушайтиса, отнесенных к теме труда, лишь в «Жнице». Если попытаться выделить антагонизм в других произведениях этой темы, то рабу можно противопоставить бытие как таковое («раб мятежный, вновь я брошу вызов бытию!»). Но данное противоположение характерно для большинства стихотворений сборника, так как оно связано с центральной темой духовной трансгрессии. Данный антагонизм схож с характерным сюжетом дайн, исполнявшихся на помещичьих полях, «на которых крестьянин гнул спину на ненавистного помещика-немца» [3, с. 236]. Такая антитеза крайне распространена в дайнах и присутствует не только в песнях с социальной направленностью, но и в сиротских дайнах: «в сиротских песнях проступает ещё одна важная антитеза: сирота и чужая мать, мачеха или просто хозяйка, на которую работает сирота» [3, с. 240].

Стихотворения темы моря соотносятся с рядом дайн, посвященных морю, рекам, озерам [3, с. 193-198]. Здесь схождения наблюдаются в соотношении образа

корабля из стихотворений и лодки, бревна в дайнах, в образах волн, ветра и т. д. Также существует схождение на основании образа морской стихии, но в дайнах он наделяется чаще негативной коннотацией, inferнальными чертами (атрибутируется черным цветом: 30710 [3, с. 194], 30796 [3, с. 194]), реализует тему смерти (30710 [3, с. 194], 30796 [3, с. 194], 30709 [3, с. 193], 30691.2 [3, с. 193]); у Ю. Балтрушайтиса же данный образ либо является вариантом трансцендентного («На отмени»), либо вариантом земного хаоса, с которым лирический субъект героически борется, преодолевает («Ave, stella Maris»). Во втором случае фиксируется если не позитивная, то нейтральная коннотация, так как море становится ступенью к трансцендентному, стремление к которому – сокровенное желание лирического субъекта сборника.

Тема детства в стихотворениях Ю. Балтрушайтиса соотносится с целым рядом дайн на ту же тему [3, с. 18-29]. И в стихотворениях, и в дайнах на данную тему присутствует образ мыши: 2075 [3, с. 21], 2120 [3, с. 21]. В дайнах также, как и в стихотворении, присутствует мотив проникновения, причем в этих же дайнах встречается и образ мыши, т. е. обнаруживаются схождения на основе целого комплекса элементов: 2075 [3, с. 21], 2120 [3, с. 21]. В дайнах, как и в «Детских страхах», наблюдается большое количество животных образов: в стихотворении они реализуются либо прямо (мыши), либо косвенно, через зооморфные атрибуты образа нечисти (копыта, крыло); в дайнах они реализуются напрямую (мышь, медведь – 2105 [3, с. 21], синица – 2092 [3, с. 21], аист – 2147 [3, с. 21], ягнята, козлята – 2157 [3, с. 22], пес, кот – 2188 [3, с. 22]). Встречается также в дайнах на тему детства образ могилы и сопряженный с ним мотив возврата из нее, что напрямую соотносится с подобными же элементами из «Детских страхов»: 2553 [3, с. 24]. В этой же дайне присутствует и животный образ тетерева, соотносящийся с образом крыла Ю. Балтрушайтиса. Встречается в детских дайнах и одна из главных тем «Детских страхов» – тема страха: 2587 [3, с. 24], 2624 [3, с. 24]. В стихотворении обнаруживается тема угрозы, насилия, боли, смерти, также присутствующая в дайнах: 2723 [3, с. 25], 2714 [3, с. 25], 2744.2 [3, с. 25], 2799 [3, с. 25], 2878 [3, с. 26], 2947 [3, с. 26] и т. д. Данные темы у Ю. Балтрушайтиса вытекают из темы страха: страх детерминирован именно потенциальным насилием, угрозой. В общем эти темы можно определить в тему предмета страха. В дайнах же эти темы реализуются самостоятельно, и уже тему страха можно определить как следующую из них.

Тема ночи в дайнах часто возникает в песнях, посвященных неравенству, взаимоотношениям помещика и батрака. В данных песнях ночь имеет положительную коннотацию, она воспринимается как время отдыха от барщины, как средство избавления от подневольной работы в поле, проводимой днем (31653 [3, с. 206-207], 31659 [3, с. 207]). День в батрацких дайнах через метонимию отождествляется с адом: с ним сравнивается гумно, клеть, рига (31538 [3, с. 206]) на основании тяжелой работы, проводимой в них; так как работа, отождествленная с адом, производится именно в период дня, то и день с помощью метонимического переноса становится адом. На противопоставлении с днем ночь, таким образом, становится раем, временем избавления, о котором умоляют Бога. В дайнах воспрещается барину сечь «мужика под вечер» [3, с. 204] и предлагается сечь его при солнце (31269 [3, с. 204]). Негативное событие, например, воровство сестры, происходит именно «на самой на зорьке» [3, с. 69], сразу после окончания ночи, но никак не во время нее (13643 [3, с. 69]).

Во всех выделенных стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, посвященных теме ночи, кроме «Детских страхов», ночь также имеет положительную коннотацию. Это благоприятное для лирического субъекта время в плане его духовных

поисков, мир засыпает, ослабляет давление на героя, который, таким образом, приближается к трансцендентному, небеса и земля соединяются, «сочетается без грани свет небес и свет земной» [4, с. 101], т. е. профанно-земное обогащается сакрально-небесным, причастным к трансцендентному. Ночь атрибутируется «вещим сном» [4, с. 179], вариантом трансцендентного, в противопоставление земной мысли, т. е. ночь так же, как и в дайнах, отождествляется с небесным, божественным, сакральным.

В большинстве стихотворений Ю. Балтрушайтиса, посвященных теме природы, например, «Полдень», подтеме дня отводится положительная коннотация, но он все же атрибутируется образом огня, который семантически близок образу ада, и в конце концов сводится в парадигму «день – земная ноша», которая в общей концепции сборника может рассматриваться как сугубо отрицательная с ценностной и даже эмоциональной точек зрения.

Тема светопреставления в стихотворениях соотносится с дайнами о смерти [3, с. 169-175]. В некоторых текстах этой темы встречается, как и у Ю. Балтрушайтиса, образ коня (27495 [3, с. 172], 27664 [3, с. 173]). В одной и той же дайне встречаются одновременно и образ коня, и ангелов, что также соотносится с «Видением» (27495 [3, с. 172]). Обнаруживаются схождения между образом коня в «Видении» и образом коня в дайнах: с ним тесно связан образ искр, высекаемых подковами (29697 [3, с. 184], у Ю. Балтрушайтиса – молнии), часто конь фигурирует в песнях, содержащих темы смерти, угрозы (30201 [3, с. 186], 30132 [3, с. 185], 30028 [3, с. 185]), занимающие также основное место в «Видении».

Теме любви посвящено большое количество дайн: к ним можно отнести песни о отношениях парней и девушек [3, с. 52-65], песни в пору поисков невесты и сватовства [3, с. 66-94], свадебные песни [3, с. 95-159]. Схождения стихотворений темы любви с дайнами основываются на наличии в обоих случаях образа ночи. Все стихотворения Ю. Балтрушайтиса, поднимающие тему любви, так или иначе связывают любовь с ночью. Ночь здесь – благоприятное для любви время, соединяющее не только любящих людей, но и небо с землей (об этом см. выше). В дайнах, учитывая положительную коннотацию ночи в целом, любовь также часто возникает вместе с образом ночи (13767 [3, с. 72], 13793 [3, с. 72], 13353 [3, с. 67]). Данная роль ночи иногда усиливается на противопоставлении с днем, который атрибутируется трудом, пыткой, барщиной (13353 [3, с. 67]).

В стихотворении «В парке» тема любви возникает в связи с образом осени. В дайнах осень – это время свадеб. Теме осени в этой ипостаси посвящен ряд дайн [3, с. 72-73]. У поэта осень связывается именно с утерянной, неразделенной, в общем не существующей в данный момент, но желанной любовью, что также обнаруживается и в дайнах (13767 [3, с. 72]).

Тема мироустройства в стихотворениях Ю. Балтрушайтиса заключается в том, что весь реальный мир аллегорически отражен в стихотворении, при этом структурное отождествление выделяет самые фундаментальные с точки зрения автора закономерности действительности. Так, в «Песне» фундаментальные понятия бытия, жизни и трансцендентного отождествлены с образами реки, гор и света; описаны их функции в художественной действительности: река «мечется», порождая хаос, горы тянутся к небесам-трансцендентному, небесный свет изредка падает на сумрачные струи, утверждая среди хаоса временную гармонию. В «Ступенях» же даны главные стремление и цель человеческой жизни – восходить из земного пространства «на ликующий простор» [4, с. 75], то есть в пространство трансцендентного. Картины мира в этих произведениях тождественны и дополняют друг друга. Таким образом, в них описано мироздание и описаны его основные закономерные движения.

В дайнах можно увидеть ту же, что и в стихотворениях, дихотомию земли и неба, где небо наделяется высшей, божьей мудростью, что можно отнести к варианту трансцендентного (33648 [3, с. 230]). Под мудростью же, или разумением, подразумевается не практически-бытовая мудрость, а сакральное знание, управляющее силами природы, правящее бытием (33652 [3, с. 230]). Земной мир в дайнах находится в подчинении у небесного, принадлежит ему, что соответствует представлениям Балтрушайтиса, т. к. только свет трансцендентного преображает бытие в его стихотворениях, но не наоборот (33671 [3, с. 230]). Стремление к небесному-трансцендентному как основное и неизбежное стремление человеческой жизни также отражено в дайнах: все движение освещается, каузируется этим стремлением (33697 [3, с. 230]). В связи с противостоянием небесного и земного возникает и образ воды, а именно моря (33692 [3, с. 231]), как и в «Песне», где соприкосновение двух пространств также сопряжено с образом воды, реки.

Тема природы так или иначе отображена в подавляющем количестве дайн. Основные идеи стихотворений Ю. Балтрушайтиса на тему природы: идея природы как чуда за счет ее связи с трансцендентным, обогащающим природу (3-я «Утренняя песня»); идея постижимости природы, превосходства человека над ней («В лесу»); идея мира как приятной ноши на пути к трансцендентному («Полдень»); идея противоречивости природы, заложенного в ней побуждения преодолеть саму себя («Ветер»). В сумме эти идеи дают представления об отдельности человека и природы, о эстетическом авторском образе природы, об отношениях «природа – человек – трансцендентное».

В дайнах можно на идейном уровне найти идеи превосходства человека над природой, но не онтологического, как у Ю. Балтрушайтиса, а физического, волевого, технического (30470 [3, с. 189], 30474 [3, с. 189], 30505 [3, с. 190]). Идея противоречивости природы может выражаться в дайнах через оксюмороны, например, «что весна так холодна» – 30607 [3, с. 191]. Идея природы как чуда реализуется в дайнах посредством мотивов осуществления неосуществимого (постановки такой задачи) и фантастических или мифологических образов (30580 [3, с. 190]). Идея мира как приятной ноши в дайнах реализуется путем выстраивания параллели позитивных и далее негативных образов, мотивов (30615 [3, с. 191]).

Заключение

Итак, наблюдаются типологические схождения на образном, мотивном и идейном уровнях текста между стихотворениями Ю. Балтрушайтиса из сборника «Земные ступени» с размером четырехстопного хоря с женской или мужской клаузулой и латышскими дайнами. Подобные схождения у разных произведений с одинаковым размером дают повод говорить о семантическом ореоле. Учитывая наличие семантического ореола четырёхстопного хоря чисто русского происхождения, можно говорить о семантическом ореоле четырехстопного хоря балтийского происхождения, пришедшем в творчество Балтрушайтиса предположительно по биографическим причинам.

Л и т е р а т у р а

1. Гаспаров М.Л. *Очерк истории европейского стиха*. Москва: Фортуна Лимитед; 2003:272.
2. Гаспаров М.Л. *Метр и смысл*. Москва: Фортуна ЭЛ; 2012:416.
3. Латышские дайны: Из сборника Кришьяниса Барона, 1894-1915. Пер. с латыш. Москва: Худож. лит.; 1985:254.
4. Балтрушайтис Ю.К. *Земные ступени*. Москва: Скорпион; 1911:227.

References

1. Gasparov ML. *Essay on the History of European Verse*. Moscow: Fortuna Limited; 2003:272 (in Russian).
2. Gasparov ML. *Metre and Meaning*. Moscow: Fortuna EL; 2012:416 (in Russian).
3. Latvian Dains: From the Collection of Krišjānis Barons, 1894–1915. Translated from Latvian. Comp. G. Prijēde and A. Shcherbakova; Preface by G. Prijēde; Commentary by S. Viese; Artist A. Belyukin. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1985:254 (in Russian).
4. Baltrušaitis Ju.K. The earthly steps. Moscow: Skorpion; 1911:227 (in Russian).

Об авторе

СИМАК Назарий Игоревич – студент 3 курса института филологии и массмедиа, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Российская Федерация, e-mail: p0plaw0k@yandex.ru

About the author

SIMAK Nazariy Igorevich – 3d-year student, Institute of Philology and Mass Media, K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, e-mail: p0plaw0k@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию 08.07.25 / Submitted 08.07.25
Принята к публикации 12.09.25 / Accepted 12.09.25